

Разведгруппа расположилась на верхнем этаже высотки, бывшей когда-то «Лахта Центром» «Газпрома», а ныне являющейся ключевым наблюдательным пунктом, находящемся на нейтральной полосе. Многочисленные сваи, вбитые в грунт, позволили ей устоять, превратив в надежную площадку для ведения наблюдений, а вот огромные стеклянные модули не выдержали мощнейшего удара чужой энергии и посыпались вниз, словно осенняя листва с деревьев, под порывом холодного северного ветра. Так что теперь башня сияла черными провалами окон, напоминающими огромные глаза неведомого зверя, без зрачков, за которыми притаилась тьма, смотрящая на необратимо изменившийся город.

Из-за этой то «многоглазости», а также из-за удобного месторасположения и высоты, башню и прозвали «Аргусом», в честь древнегреческого великана, сторожившего возлюбленную Зевса, нимфу Ио.

И, дай бог, чтобы не нашелся тот, кто бы, убив великана, распространил бы свое влияние дальше, захватывая остальную территорию страны, как Зевс когда-то захватил Ио», – со вздохом подумал командир разведгруппы, приставляя к глазам бинокль.

Отсюда, с четырехсот метровой высоты, город был виден как на ладони.

Пустые улицы. Темные окна. Ветер, несущий желтоватые клубы пыли по серым, безлюдным тротуарам и, словно от скуки, то собирающий ее в плотные комки, напоминающие верблюжьих колючки, то вновь разматывающий

колючие песчинки тонкой лентой по потрепавшемуся асфальту.

Красноватое, уставшее за день Солнце тем временем начинало заходить за темно-серую линию горизонта, и насыщенно-голубое Небо приняло металлический блеск. Немногочисленные облака окрасились ярко-розовым и лиловым цветами.

Наступало время сумерек.

«Самое тяжелое – это сумерки», – хмуро отметил про себя капитан, скосив глаза на расположившихся рядом с ним бойцов. Рядовых тут не было. Все в звании не меньше лейтенанта. Все спецы. Все прошли горячие точки. У всех за плечами не одна спецоперация. И все равно время пребывания на объекте было ограничено двумя часами. Это был максимум того, что человек мог выдержать, даже находясь на нейтралке.

– Мачу-Пикчу, – хмуро произнес опустившийся на бетонный пол рядом с командиром снайпер.

– Уж скорее, Чокекирао, – откликнулся расположившийся в середине комнаты радист.

– В любом случае – покинутый город, – хмуро откликнулся от входной двери лейтенант, держа на коленях калаш¹.

– Может, и там, как в Питере, не та энергия пришла. Вот и стал заброшенный, – перехватив поудобнее большой, вступил в разговор старлей, чуть выдвинувшись в коридор и просматривая его.

– Что у бэхи? – обращаясь к радисту, уточнил капитан.

¹ Автомат Калашникова.

– Тихо, – откликнулся тот, выключая рацию.

Ничего не ответив, командир вновь поднял бинокль к глазам.

«Да. Чокекирао. Покинутый город, – вздохнул он про себя. – Город, в котором за одну ночь изменилась энергетика, став абсолютно чужой для человека. Город, в котором открылась щель совсем в Иное измерение. И в эту самую трещину оттуда хлынула не только непереносимая людьми энергетика, но и твари Бездны. Не было в человеческом представлении никаких подходящих ассоциаций для этой энергии. Разве что по цвету. Насыщенный коричневый. Да по форме – нечто напоминающее вулканическую грязь. Такую же густую и булькающую. Грязь, колышущуюся в провале, отгородившем Питер от остального Мира».

Он помнил свои поиски ассоциаций для вторгшейся энергии. Но не было их ни для вкуса, ни для запаха, ни для тактильных ощущений этой субстанции, просочившейся в нашу реальность. Зато было отравление ею каждой молекулы тела, был привкус гноя во рту, а затем гниение заживо. Быстро. Даже молниеносно. И была гнойная, коричневатая кровь, сочившаяся из-под скальпеля в руках патологоанатомов, разрезавших кожу у погибших от этой напасти. И их скрюченные тела на холодном кафеле моргов, через пару минут после вскрытия пострадавших от неизвестной энергии.

Много чего было в попытках понять: что это? Но это все потом. А вначале были смерти. Сразу и много. И срочная, нет, не эвакуация, а бегство, тех, кому повезло оказаться в спальных районах города, подальше от провала, отгородившего центр Питера, от остальной его части. Но и из убежавших, от пришедшего в их дома хаоса выжили единицы. Слишком уж несовместима была эта новая энергия со всем остальным миром.

Ярко-голубые глаза капитана потемнели и теперь напоминали грозное Небо.

– Порченая. Черная кровь, – хмуро заметил особист, присоединяясь к разговору.

Командир группы лишь усмехнулся уголком рта.

Все так. И все же, все же...

Некоторым эта энергия оказалась не чужой. Некоторые смогли выжить на территории Бездны. А некоторые оказались перевертышами, что было самым удивительным в представлении капитана. Нейтралы, как окрестили их специалисты. Люди, живущие в Зоне, примыкающей к центру. То есть там, где когда-то были заводские районы Петербурга. Люди, способные без проблем перемещаться как в Центре Поражения, так и за ее пределами, изменяя, пряча чужую энергию, текущую в их жилах и доставая откуда-то из собственных глубин, словно то ли фокусник из шляпы, то ли переверачивая зеркало реальности, обычную, человеческую. Нормальную для всех остальных существ, живущих на планете Земля.

Как им удавалось совмещать в себе несовместимое? Да кто ж его знает. Удавалось, и все.

Конечно, их тут же прозвали сталкерами. И тут же стали смотреть со страхом и недоверием. А то как же? Человек же без фобий не может.

Впрочем, по наблюдениям капитана, мысли о них остального мира сталкеров волновали мало. К остальному миру у них был утилитарный интерес: продукты, запчасти, бытовые товары, лекарства, сырье. Границы Зоны они пересекали исключительно для закупок товаров. Да и то только тех, чье производство не наладили сами.

Правительство им в этом не мешало, считая, что какой-то контакт с жителями, пусть и ставшей Иной, но все же территории, расположенной в пределах своего государства, связать не стоит. Потому исправно платились пенсии, пособия и предоставлялось оборудование, лекарства и товары. Вот только хода на эту территорию никому из живущих вовне не было. Впрочем, верен был и обратный вариант. Спокойно снова туда – обратно могли лишь сталкеры. Этим все было нипочем.

Люди же могли лишь наблюдать извне за жизнью этих, других. Да молиться, что б чертово пятно не разрослось, поглощая новые территории. Посему на нейтральной полосе и работали военные. Наблюдая. Изучая. Замеряя.

День тем временем окончательно уступил место ночи. И кое-где, в кажущемся безжизненным городе, в окнах зажглись огоньки.